

Золотой
Тадисман

Гай Юлий Орловский
Марко Генер

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-66

Разработка серийного оформления *Андрея Старикова*

В оформлении обложки использованы
рисунки художников
Андрея Липаева и Вячеслава Коробейникова

Орловский, Гай Юлий.

О-66 Ворг. Успеть до полуночи / Гай Юлий Орловский, Марго Генер. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 384 с. — (Золотой Талисман).

ISBN 978-5-699-93202-3

Ворги — хищная раса оборотней. Они не подвластны влиянию Луны и живут в чащах Изумрудного леса. Сила, здоровье и хитрость — главные умения воровского племени. Все обходят стороной этих полужверей-полулюдей. Особенно опасны ворги-одиночки. Гоблин Курт Зут'Вакар хорошо знал об этом, когда спасал от грабежа случайного попутчика по имени Лотер. Не знал только, что его новоиспеченный приятель — ворг. А когда узнал, за оружие хвататься было уже как-то неудобно. Впрочем, оборотень Лотер, если надо, умеет прикинуться безобидной овечкой...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-93202-3

© Орловский Г.Ю., Генер М., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Глава 1

В глотке заклокотало, клыки медленно удлинились, кожа на губах треснула, и соленая струйка потекла в рот. Покосившись на кусок баранины в тарелке, я скривился. Подмешали. В мясо подмешали.

Я приподнял голову, в глазах задвоилось, а когда оперся подбородком на кулак, бутылки на полках расплылись в бесформенные пятна. Пришлось сконцентрироваться на центральной, чтобы перестали шататься.

Одно из пятен качнулось и исчезло. Через секунду появилось с другой стороны столешницы. Я проморгался, пятно приобрело четкие границы и превратилось в виночерпия с мутными радужками. Кожа бледная, во рту загадочно блестит золотой зуб.

Звериное чутье шевельнулось. Если бы не отравленная баранина, сразу понял бы, что к чему. А так лишь нутром ощущаю — что-то опасное.

Виночерпий на ходу трет деревянный стакан куском льняной тряпки и ухмыляется. Волосы прилипли ко лбу, маленькие глазки смотрят так, словно украл сотню золотых.

Он ехидно оскалился, взгляд хитрый и озабоченный. Я вцепился в столешницу, чтоб не потерять равновесия, и медленно повернул голову к огромному зеркалу. В глянцевой поверхности отразилось помятое лицо с побледневшими от яда губами. Хорошо, что лицо, а не звериная морда.

Я сдул волос со лба и сосредоточил взгляд на себе. Щеки бритые, волосы по плечи сосульками болтаются, не мыл давно. Глаза, правда, оплывшие, черной радужки не видно. Но это все от баранины, чтоб ее. К утру пройдет, если не помру.

Хотел похлопать по карманам, чтобы проверить, на месте ли золотые, но все же не удержался и рухнул на пол, как мешок с картошкой. Из глотки вырвался рык, клыки вытянулись еще на полногтя, но усилием воли заставил их стать человеческими.

Минуту пытался подняться, получилось только развернуть голову и упереться носом в доски.

— Крепко меня... — прошептал я одними губами.

Сквозь пелену свечи на стенах кажутся матовыми. Толстые. Такие ставят с расчетом на долгое время работы, но они все равно выгорают за неделю. Таверна работает круглые сутки, и никому не приходит в голову гасить их днем.

Время от времени в пламя попадают пыль и брызги хлебного напитка. Это рядом коренастый гном стучит кружкой о стол и что-то яростно доказывает другому гному в рогатом шлеме.

Я захрипел и уперся ладонью в пол. Хотел подняться, но не вышло — руки ватные, в глазах плывет. Скверное место, воняет, и виночерпий все еще странно косится, словно это он испортил баранину и ограбил.

Слабой рукой я потянулся к кафтану. Где-то в подкладке спрятан сонный порошок, который можно швырнуть в наглую рожу виночерпия.

Из-за соседнего стола раздался веселый гогот. Я зло покосился на них, шерсть на загривке стала подниматься, пришлось думать о птичках и водопадах, чтобы не выдать в себе полужверя и не перепугать посетителей таверны.

Наконец удалось подцепить пальцами рукав. Хотел потянуть, но кафтан соскользнул под ноги жирному гоблину, который остановился прямо передо мной. Снизу его пузо показалось круглым, как кожаный шар.

Он наклонился, едва не вспоров мне щеку клыком. Над ухом раздался трескучий голос:

— Эй, парень, тебе нужна помощь?

Я захрипел, правая ноздря не дышит, и хорошо понимаю почему. Нос упирается в пол.

Затуманенный взгляд опустился к настилу из щербатых досок. Прямо перед лицом грязные сапоги. Чуть выше они превращаются в гоблина, который наклонился и с сочувствием смотрит сверху. Гоблины, жирные гоблины, желающие помочь.

— Нет... мне и здесь неплохо... — хрипло проговорил я. — Но виночерпий уволок у меня три десятка золотых, кажется...

— Три? — удивился гоблин и цапнул широкой ладью рукоять кинжала. — За три десятка золотых можно купить всю таверну, не то что еду.

Мутными глазами увидел, как гоблин шагнул к виночерпию и схватил его за ворот.

— Вы со Шмыгом опять за старое? — прорычал он.

Виночерпий съежился и выставил ладони перед лицом.

— Что ты, что ты, — простонал бедняга. — После последней порки Шмыг как шелковый ходит. А на меня вообще молиться можно. Вот те зуб!

Виночерпий вытащил изо рта длинный клык и положил перед гоблином. До меня с запозданием дошло — нежить. Лишь теперь заметил легкое подрагивание морока вокруг мертвяка, который скрывает гнилой запахом и придает человеческий облик.

Гоблин скривил мясистые губы и отпустил полутрупа.

— Главное, чтоб самому не пришлось молиться, — ответил он многозначительно и обернулся ко мне: — Уверен, что виночерпий уволок?

Перед глазами поплыло еще сильнее, хотел сказать, что уже ни в чем не уверен, но в этот момент дверь с грохотом распахнулась, в таверну ворвался гном с дикими воплями.

— Баррра! Адамас твою кимберлита мать! — заорал не в меру захмелевший гном. — Кувалду в скважину! А подать мне бочку кертерберийского светлого, а то прям шас здесь будет Великий Разлом!

Из тени колонны выступила массивная фигура. Сквозь закрывающиеся веки разглядел широкую спину огра. Тот шагнул к гуляке, подхватил, словно куклу, и вынес за порог. С улицы послышались недовольные вопли, потом жалобный писк. Огр вернулся в таверну и снова скрылся в тени.

Гоблин присел рядом на корточки и заглянул в лицо.

— Э, брат, тебе на воздух надо, — сказал он с сочувствием, — Яды нежити косят людей, только в путь. Но некоторые выживают. Пойдем-ка отведу тебя.

Хотел рывкнуть — какого лешего человеком обозвал?! Но зеленомордый повесил меня на плечо и выволок на улицу.

Яркий свет резанул по глазам, мир завертелся еще сильнее. Помню, как прижало к земле и долго трясло, потом какие-то люди пытались напоить молоком. После этого все как в тумане.

Очнулся уже в телеге по дороге через Изумрудный лес. Колеса брички мерно поскрипывают, в углу ворох какого-то тряпья и пара мешков, кажется с репой. На козлах все тот же гоблин.

Увидев, что я наконец разлепил веки, он жизне-радостно оскалится. Не такой уж гоблин и жирный, видимо, ракурс с пола показывал живот солиднее. Голый торс, серый с зеленцой, мышцы рельефные, на животе разве что небольшая складка и пупок торчит выпукло, как кукиш. Нижние клыки закусил губу в веселом оскале, зеленомордый поднял волчовку двумя пальцами.

Я страдальчески закатил глаза — волчовка вся изодрана, на спине огромная дыра. Гоблин покосился зеленым глазом, набрал воздуха, чтобы что-то сказать, но в последний момент со свистом выдул, схватился за кинжал и метнул в кусты. Из зарослей послышался сдавленный крик, затем на дорогу грохнулось тощее тело.

Я приподнялся на локте и заглянул за край. Нежить.

Гоблин громко высморкался и потянул поводья на себя.

— Проклятые твари. Зря король пошел на союз с этой чужеядкой, — проговорил он зло.

Лошадь устало фыркнула, телега остановилась. Зеленомордый спрыгнул с козел и пошел к дважды

труп. Пока он возился с кинжалом, что-то бубнил, я быстро оглядел телегу. Оружия не видно, но это гоблин, у них даже под подушками ножи и дротики.

В голове еще звенит от яда, но ясность ума уже вернулась.

Когда гоблин забрался на телегу, я спросил, садясь на грязных мешках:

— Долго я так провалялся?

— Ровно столько, чтобы очухаться для починки моей волчовки, — сказал гоблин и швырнул мне изодранный меховой доспех.

И хотелось бы возмутиться, но факт налицо.

Зеленомордый ударил поводьями. Лошадь переступила копытами, но не сдвинулась с места. Лишь после того, как гоблин крикнул что-то на своем гоблинском языке, она двинулась по дороге.

Колеса тихо поскрипывают, телега умиротворяюще качается на кочках. Звериный организм справился с ядом, еще немного — совсем оклемаюсь. В голове мелькнуло: какого лешего вообще еду с ним в этой телеге?

Видимо, мои мысли отразились на физиономии. Гоблин вытащил из-под перекладки звякающий мешочек и кинул мне. Я быстро поймал. От рывка в голове случился болезненный спазм.

Пальцы распознали рубчики золотых монет, улыбка невольно поползла по лицу. Вроде по весу все на месте, что удивительно.

Губы зеленомордого расплзлись в улыбке, он вытащил из мешка голову, которая словно дожидалась — сохраняла последнюю кровь, чтоб резко закапать. По голове, точнее, по лицу распознал таверного. Сквозь пелену воспоминаний прорисовалось его лицо с алч-

ной ухмылкой. Кажется, шарил по карманам. А я на виночерпия подумал.

— Меня зовут Курт Зут'Вакар, — почему-то радостно произнес гоблин. — Ты мне должен!

Я секунду пялился на окровавленную голову с подкатанными глазами, затем перевел взгляд на довольную рожу гоблина.

— Ты ж совсем убил его, — проговорил я, раскрыв рот.

Пальцы чуть удлинились, когти вытянулись. Я спрятал руки под мышки, вроде грею. А сам проверил языком клыки — не вылезли ли. Биться с гоблином после яда нежити тяжело. А южные гоблины одни из немногих, кто в бою равен вору.

Но он отмахнулся, положив окровавленную голову под козлы.

— Не благодари, лучше помоги монетой. Кляча моя совсем издыхает. Коня мне купишь, золотых хватит, я пересчитал.

— Странно, сам не купил, — буркнул я.

— Я не граблю немощных и больных, — проговорил он веско. — Чего? Они ж беззащитные, как дети.

Гоблинов с моральными принципами прежде не встречал. Думал, у них как у нас — первым делом от хворых и хилых избавляются. Или последним. Но в живых не оставляют точно.

В желудке неприятно заворочалось, я громко икнул и быстро постучал по груди.

— Дрянное мясо, — пробормотал я. — Ловко замаскировали.

Гоблин сочувственно покачал головой:

— Говорил я, нельзя людям есть в этой таверне. Так нет, храбрятся, доказать что-то пытаются. Сто раз

видел, берут здоровенные порции. Прямо как ты, а потом на заднем дворе вместе с поросятами.

Я сплюнул за край телеги и вытерся рукавом.

— Я не человек.

Гоблин опасливо развернулся на козлах и прищурился.

— То-то мне твоя рожа показалась странной, — пробубнил он, схватился за кинжал и напрягся. — Отвечай, кто таков.

Я откинулся на спинку телеги и проговорил:

— Ворг.

— Ворг.. — оторопело протянул гоблин. — Многодушец!

Брови гоблина сомкнулись и изобразили бы лук, не будь такими редкими. Скорее сошлись бровные мышцы, а уж волосинки изобразили тени.

Я снова с холодком увидел, как его пальцы ухватились за рукоять крашара, кривого зубастого ятагана. В прошлый раз, когда это видел... Ах да, вот же она — голова таверного. Пялится в небо, даже веки никто не надвинул. Одинокая муха сидит прямо в уголке глаза, потирает лапки.

— Послушай, гоблин... Как тебя там. Курт, — сказал я устало. — О нас ходят много легенд, и я просто не знаю, какие ходят у вас. Давай говори, я весь здесь. И не хватай оружие. Я тебе должен.

Он несколько секунд изучающе рассматривал меня, как муху на столе, затем отложил крашар.

— Говорят, вы жестокие и лживые, — проговорил он с сомнением. — Готовы любому в спину нож всадить, лишь бы получить свое.

Я хмыкнул.

— Ну, у нас много общего, хотя с ложью ты перегнул. В этом гоблинам равных нет.

Гоблин оскалился, но крашар остался на поясе, глаза прищурились, словно пытается разглядеть, где у меня мешок душ припрятан.

— Еще скажи, ворги соблюдают правила, — с сомнением произнес гоблин.

Я развел руками и заверил:

— Можешь не верить, но у нас тоже есть законы. Например, всегда отдавать долги. Так что не дергайся.

Курт недовольно зарычал, будто уже сто раз пожалел, что спас чужака. Он еще секунду сверлил взглядом, потом хлопнул ладонью рядом по деревянному сиденью.

— Садись, ворг, — сказал он, успокаиваясь. — Есть немного мяса и вода. Много не пей.

— Почему?

— Ручья впереди нет.

Я, стараясь держаться ровно, переполз вперед по скрипучим доскам и опустился на деревянную перекладину.

— Ворг... — начал он. — Но, если честно, я даже за эльфа вписался бы.

— Чего это вдруг?

— Не дело это...

— Ты о чем?

— Подло пользоваться тем, — пояснил он неуклюже, — что клиент мордой в пол уткнулся.

— Ну с эльфом ты перегнул, — сказала я.

Голова с запекшейся кровью подкатилась ближе, я ногой отодвинул подальше.

— Ничего похожего, ворг, — ответил он. — Эльфы, они зануды, конечно. Что у них в головах творится?

Видел как-то одного — рожа белая, аж светится, на конях с рогами ездят. Ну кто на таких ездит, кто ездит?

— Это эльфы-то?

— Эльфы, — подтвердил он. — А гонору у каждого на гномью деревню хватит. В бою собственными руками придушил бы.

— Я тоже...

— Только если безвинно помирать будет, — закончил он, — надо помочь. Нельзя не помогать.

Я промолчал. Поди разбери, какие правила у зеленолицых. Может, и правда положено помогать сирым и убогим. Или только у Курта заморочки. Выяснить не хочется. Хватит, что вытащил меня из той треклятой таверны.

Он шумно поскреб подбородок и проговорил:

— Такэ, што б ты понял. У гоблинов легенды говорят, ворги — оборотни. Превращаются во всяких тварей. Волков, гиен, орлов, а то и тигров. Страшные, в общем, звери. Это чтоб ты понял. Расскажи как есть, по-твоему, чтоб я понял, а то...

Гоблин натужно покачал ятаганом и убрал в ножны. Правда, взгляд остался внимательным и сосредоточенным. Сразу не заметно, но чую, гоблин — опытный боец. Одно неверное движение — крашар засверкает в воздухе, как лопасти мельницы. Мне же сейчас меньше всего хочется с кем-то драться.

Я уныло промолчал. Зеленомордый начнет канючить — покажи да превратись. А в зайца, а в медведя? И станет довольно гоготать, когда перекинусь. Хотя гоблин серьезней, чем пытается казаться, я такое за версту чую.

Шерсть на загровке тревожно шевельнулась и вздыбилась. Я украдкой глянул по сторонам, но кро-

ме деревьев ничего не обнаружил. На всякий случай потянул носом — тоже чисто. Но ощущение мерзенькое, словно кто-то крадетя.

В районе живота на секунду появился комок, показалось, сейчас перекинусь, но это невозможно — о твердое не бился, на звере не сосредотачивался.

Я тряхнул головой, выгоняя наваждение. С волос посыпались комки грязи, гоблин отклонился, недовольно скривив губы, но промолчал.

— Что тебе сказать. Правду говорят, — признался я. — И в орла можем, и в волка. Только я бракованный на желудок. Не могу жрать человеческую еду.

Он проговорил с сочувствием:

— Это да. Даже у меня несварение после похлебки в той таверне.

Я кивнул.

— Хлеб тоже не переносу.

— Так зачем ешь?

— Я не ем. Я так расслабляюсь. Молюсь вроде.

— А... — протянул он. — Ну так чего, и в орла... и в волка?

Гоблин дружелюбно обнажил ряды зубов. Это выглядело бы нормальной улыбкой, если бы бивни, которыми с легкостью можно вспороть кожу от живота до горла, не закусывали верхнюю губу. Как дите, смотрит с любопытством, только слюни не текут.

Я закрихтел и перевернулся на козлах.

— Ладно, смотри.

Пришлось подпрыгнуть на телеге, чтоб как следует стукнуться лбом. Доски жалобно заскрипели и прогнулись. Из глаз рассыпались искры, меня перевернуло три раза.

